

Клеофас Чортополохер

ОТВЕТ
КИРОДИМОЙ

сардоническая лирика

München — London

ImwerdenVerlag, 2024

© Matthew Kitov

kitov@ymail.com

ISBN

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

Не знаем, кто кроется под именем Клеофаса Чортополохера, наверное вымышленным. Сведения об авторе противоречивы. В одной из публикаций сообщались даты его рождения и смерти, совпадающие — со сдвигом почти на двести лет — с пушкинскими (шалость несколько нарочитая); из других можно заключить, что он жив. Макет сборника получен «от друзей стихотворца» за подписью Матвея Китова. Это имя изредка встречалось в русской периодике последних десятилетий, но тоже может быть псевдонимом. В стихах упомянуты имена действительно существующих и существовавших авторов, что позволяет с некоторой осторожностью датировать стихи первой четвертью двадцать первого века.

Знатоки очень по-разному оценили собранные здесь стихи. Иным не нравятся пародийные выпады против русских классиков, другие находят их уместными. Некоторых оскорбляет слово *жид*. На это возражают, что вне господствующей конвенции оно нейтрально — совершенно как однокоренные с ним немецкое слово *Jude* или английское слово *jew*, конвенция же, предписывающая видеть в этом слове оскорбление, — антисемитская. Говорят, что любое слово может стать презрительной кличкой (приводят в пример то, как на наших глазах изменилось отношение к слову *русский*), а затем перестать ею быть. Так или иначе, но невозможно не видеть, что Чортополохер использует слово *жид* в одном-единственном контексте: когда дразнит и высмеивает антисемитов. Наконец, осуждают словно бы полусерьёзный тон автора, видят в нём шутовство и ёрниченье, — но нам приходилось слышать, что в каждой шутке есть доля шутки.

Сохраняем несколько непривычную орфографию автора, в мелочах отличающуюся от теперешней московской. Все отступления от канона кажутся нам намеренными, а не случайными.

май 2024

Во сне, хватив стакан денатурата,
Я то и дело убиваю брата.
Обычно зарубаю топором.
Ведь вот какой я Каин окаянный,
Братоубийством с детства обуянный!
Ах, эти сны не кончатся добром!
Мой брат — невосполнимая утрата...
Спасибо, Господи, тебе на том,
Что мне, братоубийце, не дал брата!

Пять королей всегда пребудут в этом мире:
Король Британии и карточных четыре.

Среди вольных козацких степей
Жил да был Амадей Идипей.
С побратимом своим Идижри
Пировал от зари до зари.
Амадетелен был добродей:
Даже выпив, не ел он людей.
Евразителен был Идипей,
Побратиму твердил: — Европейей!

◇ ◇ ◇

Когда волнуется желтеющее чтиво,
Я чью-то мать поминаю неучтиво.

◇ ◇ ◇

Белки, жидаы и углеводы
Низводят в пекло все народы.
А если что и остаётся
От звуков пира и гульбы,
То вечности жидом пожрётся
И общей не уйдет судьбы.

◇ ◇ ◇

Север дик, а пиит одинок.
Молью трачен булатный клинок.
Пальма с ночи смурна и смирна.
Сольдом в ванну садится сосна.

ОТВЕТ КИРОДИМОЙ

Я, листочек, Бореем гонимый,
Шлю мой кроткий ответ киродимой:
— Киродимая, ты — океан доброты,
Эверест теплоты нестудимой.

Я, фигóвый листочек гонимый,
В жалкой доле моей нелюдимой

Оттого и живу, что, упамши в траву,
Отлежался во рву невредимый.

Я, листочек, в три шеи гонимый,
Отвяжамши от ветки родимой,
Злую долю ценю, крепко память храню
О любви её сковородимой.

◇ ◇ ◇

Классики забылись и заснули.
В график вписывают наш черёд.
Зверь, прекрасный, как число Бернулли,
Зазевавшихся как раз пожрёт.
Все они заснули и забыты.
Тёмный дуб о том благовестил.
Рысью выбегают на орбиты
Хоры деловитые светил.
...Фирсы заколочены, забиты.
Тех, кто жив, радикулит хватил.
Вяло выползают на орбиты
Сонмы лимфатических светил.

◇ ◇ ◇

Звезда полей восходит над трактором.
Поодаль Пушкин на суку висит.
Стяжательство и зависть правят миром.
Любовь отмучилась, а голод сыт.

◇ ◇ ◇

Не холодным сном могилы
Собирался я заснуть, —
Ан, гляди-кось: *жизнисилы*
Покидают *тихогрудь!*

◇ ◇ ◇

Она нечаянно нагрнет,
Когда её совсем не ждёшь,
И мир, меня спровадив, станет
Так удивительно хорош!
Всем полегчает без ублюдка,
Родня помянет сатану.
И — кто б сказал, что это шутка? —
Я сам от мира отдохну.

◇ ◇ ◇

Волки целы. Овцы пьяны.
Склянки выпиты до дна.
Сквозь волнистые туманы
Пробирается жена.

◇ ◇ ◇

Будь готов: мы тебя распнём.
Будь готов и ночью и днём.
Мы огнём тебя, кистенём тебя.
Вот сейчас убивать начнём.

Будь готов всегда, во всём.
Мы на копьях тебя понесём.
Мы пасём тебя, мы спасём тебя,
Мы от жизни тебя спасём.

Заждались мы! Но больше не ждём.
Мы ликуючи к цели идём.
Чем смелее идём к нашей цели,
Тем скорее к могиле придём.

Слух обо мне прошёл по всей родной Иуде.
Там всяк меня прочёл, и обалдели люди.
Там и глухой прозрел, и пир пошёл *великой*.
Танцует и поёт народ и ныне *дикой*.

Выхожу один из жевузема —
Это ли не лучшая поэма?

Он был поэтом и солдатом,
И не такое уж гумно, —
Да жаль его! Сражён ухватом
Он в день Бородино.

◇ ◇ ◇

Благодарные потомки
Вылезают из котомки,
А завистливые моськи
Злобно лают из авоськи.

◇ ◇ ◇

Народ, не дорожи любовью поэта, —
Ты лучше застрели его из пистолета!

◇ ◇ ◇

Пристойная была литература,
А сделалась пустой и холостой.
Тот шут и недоумок, этот — шкура,
И Димка Быков — ихний граф Толстой.

ЗАСТОЛЬНАЯ

Вот, прошу взглянуть, кот,
А тут, ни дать ни взять, пёс.
Жизнь моя — сплошной мёд.
Сызмальства не лью слёз.
Здесь, не будь я пьян, клён,
А там, коль ты не слеп, дуб.
Вздохи и стихи — вон!
Кто не отхлебнул, глуп.

Жил человек такой и жил человек сякой.
Потом они оба умерли. Наступил покой.
Что ты мне тычешь в грудь свою изумрудь?
Мельница не работает. Я уже за рекой.

ГРАЖДАНИН МИРА

Могу поменять страну, могу поменять жену.
Конфуций, слышать, приветствует всякую новизну.
А можно и так прожить, покудова есть что пить,
Не рыпаться, не глупить... Дай, ещё отхлебну.

Паскаля нет, а я ещё живу.
Пишу о нём и грежу наяву.
Паскаль, браток! нам выпить бы глоток!
Ещё чуток, а там и в мураву.

Заплачет собака, завоюет жена,
В окно с перепугу заглянет луна,
А дел-то на грош! Спи, старый Гаврош...
Что жил ты, что не жил — одна сатана.

◇ ◇ ◇

Кто продаёт себя толпе за золото,
Когда на джинсах у него заплата,
Кто хлеб не может есть без сервелата,
В ком совесть спит, а выгода крылата,
В ком сострадания к поэту нет,
Тот не брюнет!

Кто не знавал парткома и месткома,
Не вздрагивал при имени наркома,
Кого страшил не лагерь, а саркома,
Кому Страна Советов незнакома,
Кто не давил клопов во цвете лет,
Тот не поэт.

◇ ◇ ◇

Куда Макар гонял телят,
Там кубок для тебя не налит,
Там за сонет не одесят,
За теорему не похвалят.
Там снег нетающий лежит,
Там в душах царствует простуда,
И если кто бежит оттуда,
Он по верёвочке бежит.

◇ ◇ ◇

Жил человек, да помер.
Быстро его не стало.

Сбило его машиной.
Загрызло его медведем.
Жил он на свете долго.
Толку в нём было мало.
Вот его и загрызло.
Вот его и не стало.

◇ ◇ ◇

Во мне погиб... — а кто, не всё ль равно —
Наполеон там или Рамакришна...
На свете подвигаюсь я давно,
Но ничего хорошего не слышно.

◇ ◇ ◇

По стогнам града пышного Петрова,
Где было некогда окно в Европу,
Блуждает скорбный призрак Топорова,
Евтерпу попрекает, Каллиопу
И местной публике грозит злодейской,
Брадою потряся иудейской.

◇ ◇ ◇

Ты не мал не велик,
Ты не лебедь, а кулик,
Ты тихонько живи,
Даром неба не гневи, —

Бог стоит за углом
С занесённым топором.

◇ ◇ ◇

Ненароком раз нарком
Запил водку коньяком
И полпреду-людоеду
Въехал в ухо каблуком,
А генсеку-гомосеку
В зад — отбойным молотком...
...Эх-ма, тру-ля-ля!
Запил водку коньяком!

◇ ◇ ◇

Помер тот, помер этот, но я не умру.
Нет такого, что б я умирал!
Эй, милорд на столпу, мореход на юру,
Подтверди, господин адмирал!

◇ ◇ ◇

Шалун говорит: — Купидон!
Я баловень судьбы, я влюблён!
Ворчун говорит: — Купи дом,
А шалости оставь на потом.

ЭПИТАФИЯ

И духом, и нравом был жалок
Сомнительный этот поэт.
Не витязей пел и весталок,
А скрёб коммунальный клозет.

Великих не клял он повсюду,
Убогих не превозносил,
Старательно мыл он посуду,
Исправно ведро выносил.

Застигнутый жалкой эпохой,
Он жалкою смертью почил,
Но всё же дружил он с Эзрохой
И татя стихом проучил.

◇ ◇ ◇

Скажу тебе правду, отрок! Внемли:
Вращается Солнце вокруг Земли.
А кто другое скажет, соврёт.
Про кванты наслушался этот сброд!
Себя суди, себе доверяй.
В тебе — не где-нибудь — ад и рай.
Оставь ланцет, отложи секстант.
Ты сам вселенная, а не квант.

◇ ◇ ◇

Я музу мухобойкой гнал,
Как гнал надежду Сирано.
Я свирепел, я проклинал,
Я в дверь её, она — в окно.

Рачительная, как пчела,
Напористая, точно шмель.
Такою ли она была!
Где Данте? Где вселенский хмель?

Где Пушкин, чорт меня возьми?
Где гений с ангельской трубой?
Прочь, насекомая! С людьми
Дразнилку эту брось. Отбой!

◇ ◇ ◇

Неинтересны люди, неинтересны книги,
Неинтересны ласки, — вот старости вериги!
Зато уж не батрачу на хама и уroda,
А на коньяк хватает, — вот старости свобода!

◇ ◇ ◇

*Неземная и любимая —
Пара несоединимая.
В связке чудо и сокровище
Превращаются в чудовище.*

Пиит, переводи бумагу!
Вертись, Фортуны колесо!
А я продам часы и шпагу,
Как сделал некогда Руссо.

ПОЭМА О ДЕНЬГАХ

Одну из них звали Сильва, другую — Злата.
Вторая — для рифмы — добыла себе Булата,
А я отродясь серебра обожаю звон
И с детства до старости в первую был влюблён.

ИЗ ЕККЛЕСИАСТА

Мужчин — одного из тысячи,
А женщины — ни одной,
Как ни ищи, не сыщется:
Женщина — это сеть.
Сердце её — силки тебе,
Будешь уловлен в них.
Доброго разве что Бог спасёт.
Горше смерти она.
...Вот что от Проповедника
Нам скрижаль донесла.
Тысячелетняя заповедь.
Тут грешно рифмовать.

◇ ◇ ◇

Народная тропа не зарастает
К моим грехам рифмованным в краю,
Где птеродактиль над гумном летает
И человеком потчуют змею.

◇ ◇ ◇

Вот мы вынесли за скобки Бога,
И осталось нам не так уж много:
Бланшированная ноосфера,
Полиэтиленовая вера,
Неприкаянный гулящий робот,
Гоп со смыком, чешуя да хобот.

◇ ◇ ◇

— Слыхали ль вы? — Слыхали и ослы,
Что люди добрые глупы́ и злы.

◇ ◇ ◇

На Русь, под фюзеляжный хруст,
Летит шалун Матиас Руст.
От гибели на волосок
Пилот границу пересёк.
Прославленная ПВО
Прошляпила полёт его.

Мальчишка дерзкий долетел,
На площади московской сел —
И сел в советскую тюрьму.
Поставим памятник ему!
Не зря он жизнью рисковал.
Весь мир хохочет наповал.

◇ ◇ ◇

В наш идиотствующий век,
В клоаке постиндустриальной,
Куда как счастлив человек
Патологически нормальный!
Обезвеличен идеал,
Освистана Джульетты повесть.
Писатель совесть потерял,
Мечтатель не слышал про совесть.
Под орифламмой в города
Клыкастая вступает Глупость.
Ты не был чище никогда
В природе явлен, homo lupus!

◇ ◇ ◇

У писателя жена была
По прозванию Инкунабула.
Осенит ли мужа фабула —
За него напишет набело!

БЕССМЕРТИЕ

Вот ведь мне какой достался дар —
Есть амброзию и пить нектар!
Ни тебе бульонов, ни котлет:
Я теперь бессмертный Ганимед.
Лишь одно покою не даёт:
Бородатый с лаской пристаёт.

Одна знакомая жена
Была гульлива и вольна.
Не перечесть в юдоли сей
Её весёлых одиссей.
Легко объятное объять
И очень трудно устоять.
Стихом красу её воспел,
Кто причаститься не успел.

Боже правый и боже левый,
Наклонись над твоею нивой!
Вот твой образ, весьма красивый, —
Я, Адам твой, в обнимку с Евой...
Что ты кривишься, боже кривый?

◇ ◇ ◇

Сначала был Ной, потом Антиной,
Потом неприятность случилась со мной:
Живу как в плену, пашу, да не жну,
Давно антилопу за попу не гну...
Я был Бутенопом в кругу Пенелоп,
А стал остолопом среди антилоп.

◇ ◇ ◇

В творительном падеже,
В винительном кутеже,
В куражестве именительном,
В предложестве извинительном,
В родительном неглиже,
На взятельном рубеже —
Натуры не превзойдёшь,
Грааля не набредёшь...
За грош ведь ты пропадёшь,
Творительный мой падёж!

◇ ◇ ◇

На ужимки последнее трачу.
Без фигни не проходит и дня.
Рассмешу — ан, глядишь, и заплачу,
И добром не помянут меня.

Уми́р Серохламов был очень взорлив
И не промахнулся, себя застрелив.
Остались от птушки одни погремушки
Да срам шириной в Бискайский залив.

Сперва был царём на Крите, потом стал судьёй в Аиде,
Карьера не из последних, — считай, почти божество, —
Минос был сыном Европы! ... С Мидасом его сравните:
Тот — царь Ослиные Уши, за что мы и чтим его.

— Зачем, Отец мой Заоблачный,
Мне долгая жизнь дана?
— Затем, чтоб на месте родины
Увидеть ушат гумна.
— За что, отец ты мой Праведный,
Суёшь мне этот ушат?
Не я ль сражался за родину?
— За то, что ты жид пархат.

Загляну в будуар,
Сочиню мемуар.

По горячим следам
Наградные раздам:
Всем сестрам — по мозгам,
Всем братьям — по рогам.

Едва Евтерпы имя наберёшь,
Выскакивает слово *невтерпёж*,
И тут всем сердцем понимаешь ты:
Служенье муз не терпит суеты.

Бешенства много, а здравого смысла — чуть-чуть.
Будет трудненько мне дни-то мои дотянуть!
Если б ты, Господи, больше меня пожалел,
Волей твоею давно бы уж я окошел.

Серьёзен был Гомер, серьёзен был Сократ,
А я куражусь, подлый ретроград!
Глумиться над собою прекрати я —
Порядочная выйдет энкратия.

СОНЕТ ПО-КИТАЙСКИ

Да, я ополоумевший старик:
На рифму всяких нацепил вериг
Из-за кавычек поднимаю крик, —
Паскуда я, зануда, маверик,

Магендавид, еврейский шестерик.
Зато давно уж лишнее отстриг,
Элеонор, Матильд и Фридерик
За двери разом выставил (блицкриг!),

Не жду похвал, не завожу интриг
В стране коммунистических расстриг.
Коврига мне милее всех квадриг

И лысина удобней, чем парик.
Я матерный похерил материк,
А воробья прославил. Чик-чирик!

◇ ◇ ◇

Винюсь: на вкус лапша, на ощупь вата.
Пишу по-детски, незамысловато,
В прозреньях не взлетаю высоко,
Не изумляю нежное ушко,
Не столь моя змея витиевата...
И трапеза моя не торовата:
Ни шамбертеня, ни вдовы Клико,
Ни песен сталинского рококо

С его Катюшами да Сулико.
Ах, ваша взрослость мне великовата!...
Прости, мой друг... Позволь надеть трико.
Уж поздно. Добираться далеко.
Я родом из дурного Ленинграда,
Где чем богата сволочь, тем и рада.

◇ ◇ ◇

Рассудка мне не дадено,
Душа во мне задушена,
Мужская честь откушена
Мне гордость — не отдушина,
Где честь была, там вмятина.
Где было сердца — впадина.
Любовь не рана — ссадина,
Характером я гадина, —
Ан, глядь, на мне уж пátина!
Я — жалкая скотина! —
Ан, глядь, на мне патíна!
В конюшне, смрадом веющей,
Я парень бронзовеющий.

◇ ◇ ◇

Выть на Темзу, я знаю, не ново,
Но душа не желает иного:
Только выйду — и вой заведу
У толпы столбовой на виду.
И меня не журят, не ругают,
А в парламент меня выдвигают,

Воздвигают большой пьедестал,
Чтобы только я выть перестал.

◇ ◇ ◇

Плюс к вам перфектум, минус к нам
перфектум —
По шпалам ковыляет человек там.
Учёностью убогой щеголяет,
А сам едва плетётся, ковыляет...
Да почему б нам и не ковыльнуть?
Не грех ведь от печалей увильнуть.
Химеры примиряют с лихолетьем.
Хлебнём — глядишь, и смерти не заметим.

◇ ◇ ◇

Смерть — вещь нехитрая: взял да и помер.
Проще поездки в Каир иль в Житомир.
Гостеприимная эта страна
Рядом, и виза туда не нужна.

◇ ◇ ◇

— Не презирай меня без нүжды!
Не говори мне: — Порешь чушь ты!
Не утверждай: — Умом недюж ты!
Не повторяй: — Таланта чужд ты!
Не я ль свечу всегда, везде?
— Я презираю по нужде.

Люди бегут. Они куда-то бегут.
Жгут у них в заднице. Люди прошлое жгут.
Чтобы себя от прошлого уберечь,
Надобно жечь и жечь, и ещё раз жечь.

Кондорсе, Лавуазье, Шенье
Братствующей не нужны семье.
Как не вспомнить тут святую Русь?
Но уж и во Францию не рвусь.

Пёс мой умер. Его не стало.
Прочь всех гениев с пьедестала!
Что мне Ньютон или Толстой
Перед смертью этой простой!
Пёс мой был вершина творенья,
Лучше всякого стихотворенья,
Выше плотников и стропил!
Он из рук моих ел и пил!...
Он был пёс... да я-то не пёс ли?
Пёс и есть, что прежде, что после.
Кроткий ангел мой был да сплыл.
Полно, точно ль я сам-то был?!

◇ ◇ ◇

Мотыка о смерти не знал и теперь не знает.
Он ведь живым в душе моей пребывает,
Она же пребудет, и пир земной заверша... —
Но лишь потому, что мотыкина в ней душа.

◇ ◇ ◇

На Дунае и в предгорьях Альп —
Вот где жив ещё язык славянский,
А в Москве с него уж сняли скальп
Сталью привозной, американской.

◇ ◇ ◇

Когда-то были женщины и мужчины.
Теперь их не стало: на свете одни машины.
Гомеры с Шекспирами слуха им не томят.
Сказать по правде, и сам-то я автомат.

◇ ◇ ◇

Шальная подруга была у меня:
Без шали прожить не умела ни дня,
То плечи укроет, то шею, то нос...
И каверзный тут возникает вопрос —
Про них ведь не знаешь: верна, не верна?

С друзьями пируешь... а шаль-то черна!
И точно: чтоб радости эти продлить,
Решила она с армянином шалить,
А что приключилась такая беда,
О том довелось мне узнать от жида.
Взяла тут меня справедливая злость,
И всю эту шайку зарезать пришлось.

◇ ◇ ◇

Мужчины ярились, скакали, стреляли,
Рубились, мирились, а женщины пряли.
К матронам, которые днём не прядут,
С Морфеем хорошие сны не придут.
Ночами пилось и гулялось в охотку
Умельцам врагу перерезывать глотку.
И все они были довольны судьбой,
Трудом и досугом, друг другом, собой.
Тогда — то-то весело было! Теперь — ...
Теперь мы собранье бесполох тетерь.

◇ ◇ ◇

По мне — мимозы всякие некстати
И зря цветут,
Но если вам берёзу заломати,
Я тут как тут!

Рябина по Теннисон-авенью
Растёт у каждых ворот.
За блеф Цветаеву я виню:
За выверты. Каждым — врёт.

Кривляется. Каждая рифма — ложка,
Бумажный расчёт — и пот.
Ей-богу, от русской музы не ждёшь
Таких мещанских щедрот.

Из Гамельна! бургомистру жена!
С левацкой дурью в ладу!
К такой филистерше, как она,
На выстрел нее подойду.

Рябину в три погибели гнёт
Камланье звуков пустых.
Не дерево родину мне вернёт,
А гневный пушкинский стих.

Вода такая холодная, мокрая! Тьфу!
Чтоб мыться, так лучше скелетом сидеть в шкафу.
Чтоб плавать, так это вздор-с, конфуз и аншлюс.
Я не наутилус. Уж лучше я утоплюсь!

Как попадёшь под эскулапов нож,
От жизни прежних радостей не ждёшь.
Пиры и наслаждения забываешь,
Уверовав, на Бога уповаешь,
Завидуешь весёлым шалунам,
Танцорам, бегунам и прыгунам,
Следишь, как приближают к горлу бритву,
И соломонову твердишь молитву.

Мёртвые нас не любят, вот в чём наша беда!
Было б не так, мы б с горем ладили без труда.
Тем, кто вкусил блаженства, трудно меня любить.
Тех, кто меня не любит, нужно скорей убить.

Старик, ополоумевший старик!
На весь Бедлам ты подымаешь крик,
Воспитываешь ты Содом с дурдомом,
Спокойно жить мешаешь насекомым,
А сам-то насекомее других!

Убогий пастырь пажитей нагих,
Не нужен ты, пророк беды вчерашней,
И одинок ты, как сапог на пашне.
Не одиноче зверь единорог,
Ни птица дронт, ни гётевский сурок.

Не стану скрывать: не люблю москалей,
Продажных вралей и отмытых рублей,
Тебе же скажу, Украина: ты — Русь.
Гордись! Но твой вздор опровергнуть берусь.
Смешон Провиденью чиновничий зык.
Не в Киеве пушкинский создан язык.
Я преданность карамзинистам храню
И этому знамени не изменю.
Не ты мне вожатый! Язык прикуси!
По-русски сказать невозможно: *в Руси.*

ОТВѢТ КРИТИКУ

Да гдѣ ужь отрицать! Я человекъ вчерашній.
Полуразрушенной довольствуюся башней,
Ринальда, Годфреда, Эрминію пою.
А сунется ко мне сегодняшній — убью.

ОТВѢТ КРИТИКУ (2)

Я тайные стихи обдумывать люблю
И с москвитами не скинусь по рублю.
По мне — хоть разом их смети с земли цунами!
Хоть режь меня, хоть ешь: нет общего меж нами!

ОТВЕТ КРИТИКУ (3)

Мельмот? Это я-то?! Скорее уж — marmotte
(по-русски же так он звучит: обормот),
Сурок одинокий. Пребуду сурком,
А боль и простуду запью коньяком.

Он: «Пушкин — наше ничего!»
Я: «Враль! Взашей гони его!
Заврался мюнхенский жираф!» —
И что ж? Он оказался прав!
Ей-богу, Пушкина — долой!
Мы видели жреца с метлой.

Кряхтя, забирается вещий Олег
На вещий ночлег под одну из телег.
Телега над вещим Олегом скрипит.
Олег под телегой зловеще храпит.

ОТВЕТ КРИТИКУ (4)

Мне до Венеции отсюда, что до Марса.
Сижу в моём углу и не чураюсь фарса.
Мне до высоких дум отсель, что до Луны —

Да только Луны мне и Марсы не нужны.
Живу для радости, рифмую для забавы
Без дальных умыслов; не ведаю ни славы,
Ни страха, ни надежд — и, здешним хмелем полн,
Бутыль осваиваю без эфирных волн.

Марго не подведёт! Эй, дай глотнуть марго!
А там гори огнём и Шиллер, и Гюго.
Пуškai напиток сей — сивуха жалкой голи,
То Шиллеру ль понять? уразуметь Гюго ли?

Вот ведь штука: когда мне голову отсекут,
У художника плахи трудности проистекут,
Надо ж толпам ликующим сей увраж показать,
А волос-то и нету! Ему башку не подъять!
Это дело важное, тут беда велика:
Килограммов тридцать весит моя башка.
Я всем сердцем, всей кровью сочувствую палачу,
Да помочь ему не могу, а уж как хочу!

По вечерам со мною мадам Клико,
Ночью — шахерезадистая Сулико,
На опохмел — ох, как вставать нелегко! —
Гомиками генезированное молоко.

◇ ◇ ◇

Мне тут диагноз поставили: я — аутист.
Что б это значить могло? Уж наверно: артист!
Чуточку мучусь сомнением... А вдруг я баптист?
Или дантист я зубатый и бонапартист?
Или я тряпка: батист, золотист и цветист? ...
Или я Васька, увёртлив, когтист и хвостист?

◇ ◇ ◇

Учёность важная меня смешит.
Там скука закорюку ворошит,
Там бука суд вершит.
Но и амурные смешат дела!
Охота к перемене ведем — прошла,
Да вряд ли и была.

◇ ◇ ◇

Слава нашему великолепью!
Человек отнюдь не насеком! —
Этого забили насмерть цепью,
Этого — сварили целиком.
Создано для истязаний тело.
Наш конклав — собрание потрошил.
Ласков бы шекспировский Отелло:
Он подругу только задушил.

◇ ◇ ◇

Вот уж вздор! Вот уж каверзный бзик!
Что за умысел странный? —
Что ты тянешь меня за язык,
Серафим окаянный?
Сочинять старику не с руки.
Зря взираешь Атиллой,
Зря хватаешь меня за грудки,
Душегуб шестикрылый!

◇ ◇ ◇

Кармина Бурана кормила барана,
Баран же Кармину рогами с экрана
Столкнул под колёса подъёмного крана, —
Пропала Кармина, погибла Бурана!
Тут волки строптивного съели барана,
Тирана овец и Бураны тарана:
Рога уцелели, но кончилась прана.
Руно ж подобрато... ах, нет: подобрано, —
В Колхиде висит на дверях ресторана.

◇ ◇ ◇

Все видят, что старик, все видят, что дурак,
Но люди так добры! — Живи! Ты нам не враг!
Биологически нецелесообразен
И не опасен ты — всего лишь несуразен.

Они поверили красивым фразам,
Они рабам перевозносили разум,
Они провозгласили: Ум — заразам!
А те в ответ одних травили газом,
Других к холуйству приучили разом...
Да-да, Эразмов и Эйнштейнов — газом,
А лавры жухлые — ворам, пролазам.

Кондитера (по-русски он пирожник)
Сапожник как-то в гости пригласил,
А тот принёс пирог и робко спросил:
— Ты им доволен ли, взыскательный
сапожник?
Доволен? Как я рад! Зову тебя на щи.
А ты за сапоги с бедняги не взыщи.

Чреваты радостями беды,
На всём Создателя печать, —
И мазерати от победы
Ты сам не должен отличать.

Чешу я лысину — и буквы проступают.
Набита буквами пустая голова,
Да всё кириллицей! А мысли там всплывают
Едва ль на тютельку хитрей, чем дважды два.
Но не завидую собрату волосату.
Мила мне лысина! Причёсываюсь сам —
И славлю простоту... Кто потерял простату,
Тому печалиться смешно по волосам.

Я мойша, подметайша, убирайша,
Ты — гейша, поскорейша, поспешайша.
Как, дорогая гейша, нам ужиться?
Не жизнь у нас с тобой, а джиу-джица.

Октябрь уж наступил. Колхозник, торжествуя,
Плюёт на тот алтарь, где твой огонь горит,
И в дикой трезвости кадит тебе сапожник.

Кто эта милочка? Так хороша, нежна,
С такую скромностью умеет нарядиться!

Какая девственная молодлица!
Уж не седьмая ли моя жена?

◇ ◇ ◇

Давненько банджо не играет,
Да и гармонь уже не та.
Уныло сердце озирает
Святые некогда места.
Иная дева простирает
Ко мне прекрасные уста.

◇ ◇ ◇

Вперёд летевший паровоз
Увяз и встал: кругом навоз.
Навозом вымощен настил,
Где конь копыта опустил.

◇ ◇ ◇

Есть в Альбионе рифма на пятак.
Распорядиться ею можно так:
Indeed, I'm so selfish
Because I'm just a shellfish.

◇ ◇ ◇

Он любил рифмовать, но совсем не любил флиртовать.
Он гондолы и баржи отнюдь не умел швартовать.
Не умел муровать, шуровать, шнуровать, шкуровать,
Рихтовать, шихтовать, фехтовать, милитаризовать
И бактеризовать не умел, и вокализовать.
Тать был, что тут скрывать... И никто не упомнит, как звать.

К МУЗЕ

Оставь, оставь поэта, дева!
Не ешь, не ешь его котлет!
Тваво прожорливого зева,
Тваво вещательного чрева,
Тваво налёта и наева,
Не может вынести поэт.

◇ ◇ ◇

Современный москочит
Грандиозно мозговит.
Где имеется деньга,
Там шевелится мозга.

◇ ◇ ◇

Я зол. Кто бы спорил! Я зол.
Осёл я упрямый. Козёл.

А вы, чтоб не ведать вам зла,
Не троньте осла и козла!

◇ ◇ ◇

С гордостью точно ль знаком я?
Памяти клочья да комья
Душу подчас бередят.
Был ли хоть весельчаком я?
Слыл ли хоть озорником я?
Жалобу шлю в исполком я,
Шлю в коминтерн, в интерком я:
Мыкаюсь под каблуком я,
Кухонным стал мужиком я —
Пусть меня черти съедят!

◇ ◇ ◇

На свете жил Паскаль по кличке Блез.
Он в теологию напрасно влез
И горы чепухи нагородил,
А я его резонно осадил
И за враньё публично пристыдил.
По этой части Блез — не Геркулес!
Чем дальше в лес уходит этот Блез,
Тем больше неоправданных словес...
Тем больше я зануда и балбес...
Боюсь, что мне не доплатил собес.

◇ ◇ ◇

Полигимния, ты — поле битвы,
Поле жатвы и поле молитвы.
Кто дыханьем твоим опалён,
Тот на поле, тот — Наполеон.

◇ ◇ ◇

Эй! Завтра будет правда на Земле!
Как пела нам Joan Baez!? — Однажды
Мы победим! Такой настанет день!
Мы завтра победим, и на Земле
Восторжествует правда... Эй! навечно!...
Ну, пусть не завтра... пусть не послезавтра,
Но за конечный результат ручаюсь, —
Эй, навсегда! ... А вы — по Малой Спасской
Катитесь все колбаской! Правда будет!
И в ком осуществится? Не во мне ль?

◇ ◇ ◇

Зима. Что делать мне в деревне? Я встречаю
Жену, несущую мне утром чашку чаю,
Пинком да тумачом: — Прочь! Нужен мне твой чай!
За тряпки отвечай! Над Пушкиным скучай!

◇ ◇ ◇

Ты хитрый кастрюля, Нарсес!
Ты ловко в начальство пролез.

Немногие так вылезали.
Соперник ведь твой — Велизарий!
Держи полководческий руль!
Удачу свою карауль!
Ромеи не знают кастрюль
И не уважают кастрюль.

◇ ◇ ◇

Сперва он был, потом его не стало.
По нём отчизна долго причитала.
Лило ливмя во время горькой тризны
Полдня. Потом не стало и отчизны.

◇ ◇ ◇

В похвальбе обезумел позорник,
Врёт и врёт палачей тамада,
И никак не кончается вторник.
Если мы не умрём со стыда,
После вторника будет среда.

Строя по отрядам гадов рать,
Бог велит нам всем друг друга жрать.
Земноводные кишат, пестрят —
Славный пожирательный отряд!
Всяческие тигры там да львы
Не желают в пищу трын-травы.
Человеки тоже хороши:
Жрут кого попало от души.
И друг друга тоже. Молодцы!
Вот уж преподобные жрецы!

Увольте! Я — не сын одной отдельно взятой!
Пусть лучше внук родной убьёт меня лопатой,
Чем любит внук славян, малютый и скуратый.

Колумбия, Зимбабве, Гваделупа —
Там люди, там добро, не только зло.
Родиться там и жить совсем не глупо.
Что ж некоторым так не повезло?

◇ ◇ ◇

Когда придут меня убивать,
Бойцы откроют походный киот,
С которым истинный патриот
Всегда идёт с врагом воевать,
И всадят очередь мне в живот.
И мне на Святой Руси не бывать!

◇ ◇ ◇

У меня когда-то были локоны,
Золотистые, из шёлка сотканы.
Вместо них теперь сияет лысина.
Тамбурином голым смотрит в высь она.
Вот какое вышло приключение!
Не прочесть ли в нём нравоучение?

◇ ◇ ◇

В государстве рабочих и крестьян
Обнаружился маленький изъян.
— Покорим! — обещают, — разорим!
Воцарим над планетой Третий Рим!

◇ ◇ ◇

Топчет наши нивы бусурман,
Сатане акафисты пропеты.

Генделев, Гандлевский, Гандельсман —
Вот какие завелись поэты!

Люди шлют мне привет! Говорят, я великий поэт!
Наконец-то допёрли! Ведь тут и сомнения нет!
Между прочим и то надлежит человечеству знать,
Что по роду и племени я — королевская знать.
Если ж кто-нибудь скажет, что я из рабов крепостных,
Пусть все пушки палят по нему из бойниц крепостных,

Я от женщин слышал много лестного,
Молодому сердцу интересного.
Всяческого рыцарства и воинства
Удостаивался я достоинства,
И лихого славного казачества
У меня усматривали качества.
Бездыханны, в дортуар запиханы,
Говорили жёны: — Вы неслыханны!
Говорили: — Я жена бывалая,
А уж ваша доблесть — небывалая! —
...Где ты, молодость обетованная?
Превратился в старого болвана я.

Что делаешь, делай скорей.
И так уж ты век мой удвоил,

А долг неоплатный утроил.
Я гой, но умру, как еврей:
Сумею прочесть *шма исроэл*.

◇ ◇ ◇

Шумной весёлой гурьбой
Всех нас ведут на убой.
Скоро последних убьют.
В мире настанет уют
И воцарится отбой.
Тут уж мы выпьем с тобой!

◇ ◇ ◇

Разве не был ты юн, красив, силен и умён?
Разве не был ты принцем всех племён и времён?
Ах, пришла к тебе старость, завелась в тебе вошь.
Ни коня, ни подругу свистом не позовёшь!

ПЕТИОН

Мэр Парижа — а съеден волками!
В парике ходил, в треуголке...
Может, нами-то, дураками,
И побрезгуют эти волки?

Ни собак, ни кошек, ни детей —
Вот простор для умственных затей,
Для мечты заоблачных селений
И для тутошних увеселений!
Мне по этой части не везло.
Кошки да собаки — как на зло!
Да в придачу всяческие дети...
Света я не видывал на свете!

Чудовище по имени Народ
Сократа и Лавуазье сожрёт.
Мертвы расчеловеченные души.
Им нет преград на море и на суше.

Начинайся, эпопея
Про слонов и про китов!
Жили-были два еврея:
Сильнотов и Оченьтов.

Не страшась сибирской вьюги —
На войне как на войне! —
Сильнотов к своей подруге
Приезжает на слоне.

А подруга дорогая
Сильнотову неверна:
К Оченьтову убегая,
На ките плавёт она.

Закипела кровь в еврее.
Нет чтоб выпить да вздремнуть!
По закону эпопеи
Нужно беглую вернуть!

Страшен замок Оченьтова
Илион-ах-нет-Неон.
Стражу, что на всё готова,
Возглавляют Кит и Слон.

Начинается осада.
Длится десять лет она.
Не стареет — вот досада! —
Убежавшая жена.

Усом подавясь китовым,
Умирает Оченьтов.
Замок, стиснут Сильнотовом,
К сдаче с выдачей готов.

Сильнотов слона седлает,
Кличет воинство своё
И торжественно въезжает
В покоренное жильё.

Как у всякой эпопеи,
Тут сермяжный эпилог:
Он в Сибирь — чего глупее! —
Вновь беглянку уволок.

Как у всякой эпопеи,
Есть тут истина одна:
В десять раз влечёт сильнее
Улизнувшая жена.

Ни набережных, ни мостов
Я славословить не готов —
Уж лучше на суку висю я!
Покрасовался, град Пустов, —
И сгинь, постылый, как Россия.

Есть слово украинское: москаль.
В нём — скальпель, отсекающий саркому.
Напрасно пасть беззубую не скаль,
Москва позорная! Ты — в масть Содому!
Сто лет столица подлости и лжи,
Ты состязалась с Гитлером: кто хуже,
Ты с Марксом *штурмовала рубежи*,
А издыхаешь — в кривославной луже.

◇ ◇ ◇

Чем эта гнусная война — смешна?
Бахвальством. Москва лает на слона.

◇ ◇ ◇

Ничуть я не люблю природу.
Натура мне не по нутру.
А уж народ... Ему, народу,
Я шкуру с радостью сдеру.
Кади, народ, своей утробе.
От пуза жить не запретишь.
Ты — светоч? Тупости и злобе
Ты светишь, ханжеский фетиш!

◇ ◇ ◇

На закате я печален,
Мне живется дурново.
На закате ходит Сталин
Возле дома моего.
...И кто его знает,
Чего он моргает?

◇ ◇ ◇

Тут что? Гнилушка да психушка,
Теплушка да навоз.

Телушка за морем — полушка,
А дорог — паровоз.

◇ ◇ ◇

Неравноправью женщин — смертный бой!
Коррупцию долой и угнетенье!
Предпочитать свою жену чужой —
Я худшего не знаю преступленья!

◇ ◇ ◇

Смотреть кино или идти в бордель —
Одна и та же мерзость да скудель.
Прости, Офелия! прощай, Даная!
Одна повсюду скудость площадная.

◇ ◇ ◇

Да, милая: творительный падёж!
Такой вот уморительный галдёж.
Я, помнится, серьёзен был когда-то,
Да больно уж История мордата!
Не посмеёшься вдосталь — пропадёшь.

◇ ◇ ◇

Сердце всё ещё старается
Непонятно для чего.

Дурень на гору взбирается
Ради буйства своего.
Молит бога олимпийского
Аквилоны разнуздать,
Ан, и с холода альпийского
Смысла жизни не видать.

◇ ◇ ◇

Похвалить в человечестве нечего.
Мало вижу я в нём человечьего —
Всё одни преисподние качества.
Похвалю-ка я лучше собачество!

◇ ◇ ◇

Социализм — полезный институт:
Растит во рту грибы. Грибы растут.
Товарищеский пир. Зубовный скрип.
Под небом гриб. Да и под небом гриб.

◇ ◇ ◇

Кто тут славным бесом обуян?
Бобби Фишер — он из «марсиан»!
...Вижу «марсианский» Будапешт.
Все в одном квартале родились!
В мире неоправданных надежд
Вместе, точно братья, поднялись —

Нейман, Сциллард, Эрдьош... что
ни год —

Дивный список гениев растёт,
Осенивших нас нездешним сном,
В космосе родившихся ином...
Вот и Ланцош, и Немень в нём.
Феллер, Пóйя — эй, посторонись!
Осенись, антисемит, крестом.
Вечной славой, разум, осенись.
Вот уже где космическая высь!

◇ ◇ ◇

Если будет следующий год,
Ожидай несчастий и невзгод.
Смертный в Боге дьявола разбудит,
Дьявол смертному каюк присудит.
Ох, поверь мне: хорошо не будет,
Если будущий наступит год.

◇ ◇ ◇

Век мой, спасибо годам,
Вовсе не так уж и горек.
Череп актёрам продам.
Пусть говорят: — Бедный Ёрик!

Ворона сидит на трубе,
Мечтая о лучшей судьбе.
Под голой трубою — воронка,
Под грудой камней — похоронка.

Не осерчай, моя печёнка,
Что балагурю у бочонка!
Да-с, пью я виски, а не чай,
А всё же ты не осерчай.
Я безобидный мужичонка.
А ты гранд-леди, не девчонка,
Ты бабушка, не только мать, —
Должна мужчину понимать!
Не обижай меня, повесу!
Я стройный юноша по весу
И на Коране присягну,
Что антилопу ловко гну.
Да-с, мужичонка я толковый
И антилопу гну подковой!

Он жил, как если б Бог водил его стилем,
Как если б дух парил над взбалмошным челом,
Как если б впрямь он был изрядным Буалом —
За что и получил по лапам! Поделом!

Екутиэль — якутский верховный бог.
Зверь, как все мы, горилистый, ни хорош ни плох.
Сильный пол чертвертирует, слабый тянет в
постель.
Бьёт себя в грудь, хохочет: — Эго Екутиэль!

Помню, кормил я ворон.
Мимо скакал эскадрон,
И командир Гайворонский,
Сходу коня устремя,
Вскользь, эполет не срамя,
Саблей мне врезал — плашмя.
Добрый начальник был конский!
Бог мой помиловал мя.

Бог — есть! Но Он сердит, и я ему не нужен.
Нелеп я, гол и мал. Я меньше, чем Ямал.
Кто рифмоплётством был с младенчества
контужен,
Того он отродясь на Дух не принимал.

◇ ◇ ◇

Этим подавай тишь, этим подавай Tisch,
Этим подавай туш... У каждого свой фетиш.
У этих шумит камыш, у этих течёт дренаж.
У этих в чести поташ, у этих в крови престиж.
А этот скажет: крымнаш, и ты лицо отворишь.
Тупицу не вразумишь, разбоя не прекратишь.

◇ ◇ ◇

Люди садятся и едут, а лошади нет!
Это ль не бред сумасшедшего? Морок и бред!
От изумления долгого стал я седым.
Истинно Промысел Божий неисповедим!

◇ ◇ ◇

Врёт молва, что доллар нравится всем.
Я к подобной зелени глух и нем.
Он букашка жалкая, вздор, позор.
Десять тысяч? Тут — другой разговор.

◇ ◇ ◇

Чёрный кот по имени Враг Народа
Важно в дом вступает с чёрного хода.
Ладно, если мышку в пасти несёт.
Чаще птичку. Сущий чорт, а не кот!

Покойник был пошляк... Ой-вэй, он был пошляк!
А сам-то ты, дурак, не лучше ведь никак.
Ты, малый, не дури. Ты встань-ка до зари
И в зеркало на дурь без дури посмотри.

Люди покупают жильё,
Люди собираются жить.
Людям не по нраву нытьё,
Им по сердцу петь или пить.
Был один, хвалился гульбой,
Пел, что соловей у ручья
Весь свой век боролся с собой.
Победили — оба. Ничья.

Посадите ангела в бочку с дёгтем —
Чёрный ворон выгребет чёрным когтем.

Евсей, Евстафий и Евграф,
Три благородных мушкетёра,
На поле чести перебрав,
Лежат в канаве у забора.

НА МУЗЫКУ ШОСТАКОВИЧА

Нас утро встречает засадой,
Облавой встречает река.
Шалавая, что ж ты не рада
Бодрящему блеску штыка?
Убимая, что ж ты не рада
Тычку боевого клинка?

Не спи, вставай, гунявая!
В цепях звеня,
Страна встаёт легавая
На встречу пня.

◇ ◇ ◇

Завелись чудеса на Руси!
Идиот завещал: — Воскреси! —
...Впрочем, не на Руси, а в Совдепии,
Где водились шуты и нелепее.

◇ ◇ ◇

Загадка: — Кто нас всех срамит,
Не брит и не умыт? —
Один из трёх: хамит, наймит,
(подсказка:) содомит.
Отгадка: — Врёшь! Нас всех срамит
Отъявленный семит!

◇ ◇ ◇

Как хороши, как свежи были прозы!
Кириллица, где век твой золотой?
Где Лермонтов, Толстой? Где ять с фитой?
Стоит зима. Ударили матросы.

◇ ◇ ◇

Люди делятся на гласных и согласных,
А согласные — на щастных и опасных.
Несогласные — как правило, несчастные,
Им шипят, свистят и гикают согласные.

◇ ◇ ◇

Маркиз де Сад, виконт де Огород
В саду висят. Повесил их народ.
Божественна народная природа!
Кричат: — Вперёд! Достигли мы вперёда!
Через четыре года — город-сад!
А паразиты пусть висят, висят!

◇ ◇ ◇

Гой вы, лилипуты и великопуты!
Здравствуйте, женившись! Гой вы, московиты!
Кони ваши сыты, морды ваши дуты,
Мчится ваша тройка, шансы ваши круты,
Души дешевают, души плодовицы...

◇ ◇ ◇

Будет ли следующий год или не будет его —
Тут замешана магия, колдовство, ведовство,
Тут загадывать нечего, выйдет вздор, суетня...
Знать бы, что человечество выживет без меня!

◇ ◇ ◇

Всю-то жизнь я грежу абсолют —
Оттого и славлюсь нравом лютым.
С детства мне подхалимаж неведом —
Оттого слыву я людоедом.
Людоед — отнюдь не лизоблюд.
Он от впечатлительности лют.

◇ ◇ ◇

Он думал достучаться до сердец.
Не знал, болезный, что сердца сердиты
И глуховаты эрудиты.
Скупцам сулил Голконду молодец!
И вышел молодцу трындец:
— Не ври! Собой любишься, гордец!
— Не напирай! Не ерунди ты!

◇ ◇ ◇

Вижу вора у забора.
Вот забор, а вот и вор.
Длани вор к замку простёр,
В них отмычка — вот умора!
Если б не было забора,
А на нём ещё запора,
Не случилось бы затора,
Вдосталь было бы простора,
Не было б хлопот у вора,
Вор бы прямо к дому пёр.

◇ ◇ ◇

Если хорошенько подуть —
Так, чтобы валились дубы,
Так, чтобы раскрылись гробы
И пошёл плясать Млечный Путь, —
Выйдет вензель нашей судьбы.
Выйдет наше братское: — Будь!
Выйдет наша славная суть.

◇ ◇ ◇

Какую ахинею ни неси я,
А всем понятна истина моя:
Гори огнём, немытая Россия,
Своих детей пожравшая свинья!

◇ ◇ ◇

Одна отдельно взятая страна
Ни на минуту не была срамна!
Пусть врут взахлёб, что нет страны гнусней —
Лишь тот и счастлив, кто родился в ней!

◇ ◇ ◇

В Колумбию, в Зимбабве, хоть куда,
В пустыню горную Эстремадуры,
На край земли, где горизонты хмуры, —
Подальше от страны Осраматуры,
От добренькой её литературы!
Прочь, прочь от нестерпимого стыда!

◇ ◇ ◇

Прогресс! В литературе есть прогресс! —
Вот до чего додумался балбес!
Вот как учительствует мелкий бес!
Начётчиками поднят до небес
Не Данте, а сегодняшний Дантес.

◇ ◇ ◇

Я солнце умолял: — Воспламени!
На что мне эти дни пустопорожние?
Осточертевшие пустые дни...

На что мне эти радости подножные? —
Избавь от напиряющей фигни...
Fangeuse grandeur! sublime ignominie!
Не стану с нынешними есть пирожные.

Ах, не пытайся доить козла,
Не умножай мирового зла!
Зло мировое — твои стихи.
Не продолжай нагнетать грехи!
Остерегись Моего жезла!

Жизнь твоя, отвешенная скупю,
Радостных недосчиталась дней.
В этом мире пасмурно и глупо,
Но и в том, конечно, не умней.

Илья-пророк, да... Заходил Илья-пророк.
А я собаку выводил, продрог,
Вхожу, смотрю: стоит весь в белом, надмевает...
Ну, выпили... Чего на свете не бывает?

А если нету мне мерла,
То вся природа умерла,
И я — угрюмое мурло.

◇ ◇ ◇

Росея — жертва Филофея,
Умом не то чтоб корифея.
Десницу Гога и Магога
Любил архиерей, не Бога.
Мирскую власть монах восславил,
Молоху истукан восставил,
Крестом кумирню осенил —
Вот малых сих и соблазнил.

◇ ◇ ◇

Она умерла, потому что была ненужна.
Ни я, ни Ньютон не знали, зачем тут она.
Эйнштейн сомневался, есть ли нужда в такой.
Вот Бог и решил, что ей пора на покой.
Она умерла! Миллиард умножь на мильон,
В итоге получатся леопард и слон,
Чертог муравьиный, сосна и млечная бездна,
Где жизнь нужна и нам с Эйнштейном полезна.

◇ ◇ ◇

Я думал умирать в почёте...
Я верил: вы меня прочтёте,

И я могилу заслужу
Не ту, где заживо лежу.
Теперь, старик меж стариками,
Я вижу вещи без прикрас:
Вы оказались дураками,
Я — вас глупее в тыщу раз.

Мне памятник стоит
На Кюхельбекер-стрит.
У каменного Кюхли.
Миндалины опухли.

Рай — Острова Любви. На этом стою!
Три моих верных пса ждут меня в раю,
И ни один из них меня не осудит.
Что до людей, то их там вовсе не будет.

Ответа не будет. С тамошними не общаюсь.
Молчаньем от бывшей родины отчищаюсь.
Не обольщаюсь... Что?! Ты еврей по крови?
Тогда промолчу вдвойне! Пируй на здоровье!

◇ ◇ ◇

Рыба стоит подо льдом холодная.
Ждёт не дожждётся весны, голодная.
Быть мне съедену. Лёд растает —
Рыба меня на крючок поймает.

◇ ◇ ◇

Не крутись, осатанелая Земля!
Человека округляют до нуля.
Прялка греческая, больше не вертись!
Человечество, скорее прекратись!
Мы давно не человечество, а тля.

◇ ◇ ◇

Стал он ктить, проклятый сталактит!
Непонятно, для чего он ктит.
Я, к примеру, никогда не кчу,
Даже если очень захочу.

◇ ◇ ◇

Изверг на человеков мира
Мерзость свою изверг.
Ежели уцелеем, Фира,
Завтра будет четверг.
Повезёт — и в волнах эфира

Не сгорим со стыда.
Если ж не уцелеем, Фира,
То — пребудет среда.

◇ ◇ ◇

Пошлёт Он победу, да только не вам!
Он не литератор, не внемлет словам,
Молитвы его не заботят.
И слыхом не слыхивал Он про войну, —
Он чёрные дыры сдвигает в одну.
Не то что постылую вашу страну —
Вселенную Точка проглотит!

ДУЭЛЬ

Один был Арий, другой был Урий,
Один ариец, другой евреец.
А их зазноба была из гурий
(и муж был тоже не европеец).
Они скрестили клинки за храмом.
Одолевает евреец прыткий.
Тут храбрый Арий взмолился Дамам
И оглушает жида калиткой.
С ножом к поверженному подходит,
С крестом во имя Святого Духа,
А жид пистоль на него наводит,
Пиф-паф, — и кончилась заваруха!

Кусок хозяйственного мыла —
И в баню: вот как это было!
Теперь не то! Куда ни плюнь,
Стоит вонючая шампунь.
Названья — толку не добиться!
Гляжу полгода, как тупица, —
Вот мне никак и не помыться!

Кто — о справедливости, тот нахал.
Бог о справедливости не слышал.
Не выносит Он глупых споров.
Справедливость — бред щелкопёров.

Читатель глуп. Читатель очень глуп!
В читательский записываюсь клуб.
Букашкой приобщаюсь к эпосе.
Прочту себя, чтоб стать ещё глупее.

Я Стену Плача охранял с винтом.
Старух арабских я стегал кнутом.
Детей арабских я съедал живьём.

Мечеть Аль-Аксу я считал жильём,
Где с Магометом пировал вдвоём...
Я размечтался, брат... За что мы пьём?

СКОПЕЦ

Долгий стон исторгал он у крали,
А потом это чудо украли.
Набежали хирурги с ножами,
Замелькали ножи их стрижами,
Плод упал в ихню мисочку спелый —
С той поры он и стал оскопелый.
Не пуста у хирурга кастрюля.
О пропаже вздыхает кастрюля.

◇ ◇ ◇

Иеремия, Ювенал...
Их враки — сущий криминал!
А хуже всех Исаяя врал:
Он Патриота презирал!
Отдать бы их под трибунал,
Чтоб враг Отчизну не пинал
И Родину не попирал!

◇ ◇ ◇

Артроз крепчал. Торжествовали бельма.
Простаты рак трудился, в рог трубя,
Альцгеймер надвигался, плоть скребя,

Инсульт маячил, обо мне скорбя,
Инфаркт напрашивался, мне судьбя...
Я пережил родителей — вот шельма! —
Аркадию, утопию, себя.

Среди вольных арабских песков
Жил да был Амадей Чистяков.
Амадея снедала мечта:
Обуяла его чистота.
Был он чист, как осиновый лист,
Как московский святой нигилист.
Был он родом воинственный Росс.
В лебединой он стае возрос.
Самый главный решил он вопрос,
И ответ его был стоерос.

Когда с тобою ласкова жена,
Тебе скрижаль завета не нужна.
Тут гимн кастрюльный, тут фантом стиральный.
Пой, обыватель, свой псалом сусальный!
Простись, мечтатель, с песнью величальной!
Забудь, предатель, о стезе астральной!
...А всё же славно, если ночь нежна...

◇ ◇ ◇

Данте, Дантон и Дантес
Как-то отправились в лес.
Вот уж дубы так дубы!
На фиг сдались им грибы?!
Им бы ходить по гробы!
Видно, попутал их бес.

◇ ◇ ◇

Принесли ягнёнка на обед,
Мельком замечает Еврипид.
Что-то я теряю аппетит!
Пусть не мною агнец будет съет!
Пусть Орест поганый будет сыт!
Мать зарезавший пусть будет сыт!
Трапезы не разделю с ним, нет!

◇ ◇ ◇

Дай-ка ещё мне, Вася, глоток мерла.
Ихняя, брат, поэзия умерла.
Очень пришлось по вкусу мне это мерло.
Вечности всё пожрало у них жерло.
Ватерклозет по ихнему. Ватерло.
Выпьем! А сам не суйся! Не тычь мурла!

Нострадамец был по части дам —
Это видно по его трудам.
Он от дам бежит в слезах, плутает,
Но следы умело замечает.
Наседают на него мадам!
Он бежит по весям, городам.
Вечных мук его — не передам!
Потому-то вечный он скиталец,
Что от дам страдает Настрадалец!

Дорогая Шуламит,
В голове — всегда шумит!
Выпил рюмку, выпил две —
Шум всё тот же в голове!

Никто не назовёт британцев глупыми —
Солдат мы сразу именуем трупами.

Сперва я потерял зуб, потом я потерял глаз,
Потом я потерял руку, потом я потерял ногу.
Голову терял я сто десять раз.

Не припомню, что потерял вчера.
— Забери, что осталось! — взываю к Богу.

◇ ◇ ◇

Бог услышал молитву... Сокрушается Бог:
— Чтой-то как-то ты, братец, очень сделался плох!
Грош цена да копейка твоему трудодню.
Дай, Гаврило, винтовку, я его упраздню.

◇ ◇ ◇

Я сушу исколесил
И душу изголосил.
Живу из последних сил.
Слыву из последних сил!
Но я в мечтах — силовик,
Как давешний большевик.
Несу косу на плечи́,
Хочу Москву посечи́.

◇ ◇ ◇

Он жил, а потом перестал.
Приелось, обрыдло, устал.
Наскучило брать Илионы
И вас обнимать, миллионы.
Наскучили морды и барды.
Он больше не ваш, миллиарды!

Замполита звали Ипполит.
Был художник он могильных плит.
Если у кого душа болит,
Он того прибрать к рукам велит.
— Чтой-то сад сегодня не полит! —
По утрам вздыхает замполит.
Очень розы любит Ипполит
И лошадок любит Ипполит.

Струдом... Моя фамилия — Струдом.
С трудом они дались мне, стол и дом.
Обидами я вскормлен и стыдом,
Бедой вспоён... бидон?! Какой бидон?
Нет, и Прудон тут ни при чём, пардон!
Я был судим Шемякиным судом
И чудо, что не угодил в дурдом...
И никакой я вам не Пьер-Жозеф.
Я Лев Струдом!... Хоть и Струдом, да Лев!

Всякая сволочь суётся —
Странно! Откуда б ей быть?
Что недоумкам неймётся?
Как им смогу пособить?
Ухарь великодержавный,

Ленинская матросня,
Нехристи, поп кривославный, —
Боже, помилуй меня!
Чем я, скажи, провинился?
Худшей порою ночной
Этот сенат мне не снился,
Этот синклит сволочной!

◇ ◇ ◇

Мы, бессменное ваше начальство,
От холопьев не терпим нахальства!
В чём живучести нашей секрет?
Мы упрёков дурацких не слышим!
Золотыми мы буквами пишем
Над подземкою: **ВЫХОДА НЕТ.**

◇ ◇ ◇

Вальяжная, выходишь ты на пляж,
Являя свой широкий фюзеляж, —
И всяк тебе кричит: — Меня уважь!
Ко мне присядь, со мною рядом ляжь!
Твой буду рыцарь я, твой буду паж!
...Какой пассаж!

◇ ◇ ◇

Уж я старище-пилигримище,
Перегримище-преугрюмище!

На главе моей медный колокол,
А в руке мой, эх, оглобелька!
Я по Нову Граду похаживаю,
Дураков да сволочь отваживаю.
Ой ты гой еси, пошлый молодец!
Где скрываешься, сын Буслаевич?
Попадёшься мне — гроб заказывай!

◇ ◇ ◇

О чём, брат Пушкин, ты хлопчешь?
Прозаика в поэты прочишь?
Твоя задиристость смешна.
Тебе не фабула нужна,
Не просвещения начатки,
А звуков нежные двойчатки
И смыслов важные початки,
И значащие имена.

◇ ◇ ◇

У мужа — кукиш в кармане.
Не меньший — и у жены.
Брак держится на обмане,
На кукише сатаны.
Ведь так в приличном романе?

◇ ◇ ◇

Я от природы юрок. Я юркну,
Залезу в щель, а уж потом смекну, —
Обычная обидная история.
Ох, горе мне! Беда, фантазмагория!
Всплакнёт Гиоры Фидмана кларнет
И расхохочется. Ответа нет.
Чужим злосчастьем кто не утешался?
Над горемыкой кто не потешался?
Чирикнет воробей. Мяукнет кот-чердачник.
Глядишь, утешится и неудачник.

◇ ◇ ◇

Блок уверяет: — Нет исхода! —
А я ведь точно помню, был Исход!
Случилась раз в Египте непогода
И саранча. Ну, и попёр народ...
Подумать! Классик, а халтурит, врёт!

◇ ◇ ◇

Художник был — Наполеон Орда!
Да-да: я знаю, не Орда́, а О́рда,
А всё же согласитесь: ерунда
Далековато как-то тут простёрта!

◇ ◇ ◇

Я отличался глупостью и ленью,
Но всё имел по щучьему веленью.
Прошли года, потом десятилетия,
И — щукой больше не могу велеть я.
Ты тоже ведь пенсионерка, щука!
Ох, похвалю тебя да отпущу-ка!

◇ ◇ ◇

Вы пишете сурьёзные стихи,
А я не ем московской требухи.
Выходит, разной держимся мы хартии.
И баста! Две, как говорится, партии.

◇ ◇ ◇

Что в тот век считали грехами,
То сегодня доблесть, успех.
Что в тот век считали стихами,
Нам теперешним — смех и грех.
Вот, к примеру, Лермонтов. Демон.
Что ж ты, барин, порешь фигню?
Бог — в беде не заступник. Нем Он.
Что ему твоя инженерю?
И Онегин — вот уж где нега!
Чем он близок нам, сукин сын?
Корку хлеба, кров для ночлега —
Вот сегодняшний дворянин.

◇ ◇ ◇

Которая тут веткой туй
Колотит сдуру мне в окно?
Ох, надоели мне статуи!
Устал я. Feci quod potui.
Прошлым-прошло давным-давно.

◇ ◇ ◇

Он что-то где-то слышал про меня.
Неудивительно, ведь я токую.
К тому же мы с ним дальняя родня —
Вот птицу он и услышал такую.
Мы даже виделись однажды встарь
И, помню, опрокинули по паре.
Он думал: я играю на гитаре,
А я глухарь, отъявленный глухарь.

◇ ◇ ◇

Тот корсиканец русским был рождён!
Всю жизнь свою провёл *на поле он*.
Пусть это имя значит: *лев дубрав* —
Но русский-то ведь перед немцем прав!
А что так быстро он угас в неволе —
Так и не диво: остров-то — не поле!
А кто всю жизнь провёл на острову,
Тот не угаснет! Глянь, как я живу!

◇ ◇ ◇

Моя фамилия Иконостасов.
Я всех в себя вобрал возможных Спасов.
Сказать по правде, я и сам-то Спас:
Не я ли от себя Россию спас?

◇ ◇ ◇

Вы — не ломите, шведы — не гнутся, —
Вам вольготней досталась стезя:
Выть на Волгу, прихлёбывать с блюда,
Щей горшок воспевать, лебезя.

◇ ◇ ◇

Один рифмач и неврастеник,
Не башковит, не молоденек,
Гордился бедностью своей
И не просил у Бога денег...
Ума просил он, а не денег!
Вот именно что неврастеник! —
Тут нету разницы, ей-ей.

◇ ◇ ◇

Современен только автомат.
Тот, кто думает, — глядит назад.

Современен только луноход.
Тот, кто думает, — глядит вперёд.

◇ ◇ ◇

Плохо ночью спит балбес.
Слева бес и справа бес,
А у изголовья —
Ангел пустословья,
Эмиссар небес.

◇ ◇ ◇

Кто прекратил учиться,
Тому пора лечиться.
Кто разучился врать,
Тот начал умирать.
Сначала, сын, — учёба,
А после, дед, — врачёба.
Сначала, брат, — ученье,
А после, хрыч, — враченье.
За прежние бесчинства —
Лечинство и врачинство.

◇ ◇ ◇

Наступило светлое будущее,
Этой сволочью нам обещанное, —
Их грядущее завидущее,
С людоедством в ногу идущее,

Правдой ленинской им завещанное
Ассирийское благовещение.

Нума Помпилий служил богам
И не грозил врагам.
Ну и царь! Не хотел воевать,
Не любил убивать!
Вот бы побольше подобных Нум
Нам, потерявшим ум.

Алкивиад отрубают собаке хвост —
И, гляди, все Афины о нём судачат!
Вот герой-то! Разом встал во весь рост!
Славно подвиг твой сицилийский начат!
Но — слабо тебе перейти Скамандр!
Хоть ты парень ушлый, дошлый да смелый,
Недалёк твой путь! Ты — не Александр.
Блеф да девки — вот твои Гавгамелы.

Супружество — изрядный синойкизм.
Не всяк уцелевает организм!
А если на дворе стоит марксизм,
Пиявок нам не избежать и клизм.

◇ ◇ ◇

Один, поверишь ли, ратник, другой — привратник,
Четвёртый латник, двадцать второй — халатник,
Сотый, вообрази, шестидесятник,
Твой соратник да ещё и блокадник...
Вот я и спрашиваю: как мне дальше жить?
Семь ли сорок плясать или саван шить?

◇ ◇ ◇

Я — людоед... Заусеница — разве не плоть?
Ем себя поедом, Фира! Помилуй Господь!
Но ведь по совести Цезарь и Архимед
В том же повинны, только свидетельств нет.

◇ ◇ ◇

Я с пелёнок задиристый малый.
Ваших классиков пыл — не по мне.
...И таскает мой гений усталый
Их куски на пархатой спине.

◇ ◇ ◇

Нет будущего первого лица
У слова *победить*... Глагол рыдает!
Ведь вот какая дуля у Творца!
Второму — лямцы-дрицы-гоп-ца-ца,

Куражится и третье у крыльца,
А первое лицо — не побеждает!
Но я другую правду утвержу.
Нелепую потраву осужу,
Глагол оградой божьей огражу,
Ведь я из рыцарей, из крестоносцев,
Из победителей, из меченосцев.
Несчастному глаголу ужогу,
Здоровьем пациента награжу:
Беду его возьму да *побежу!*
Моя фамилия Победоносцев.

Дивный светоч я нёс, факел трёх поколений.
Вас, ещё не родившихся, в небо маня,
Я на башню всходил, но подгнили ступени,
Обвалились ступени под ногой у меня.

Спросил Мафусаил Мельхиседека:
— Хотел бы ты прожить ещё полвека?
А тот ему резонно возразил:
— Сморозил глупость ты, Мафусаил!
И у тебя-то, брат, не хватит сил.
Подумай сам, умно ли ты спросил —
Ночь. Улица. Фонарь... Да-да: аптека!

Там скверный дух. Там гнусью пахнет.
Кремлёвский вор над нефтью чахнет,
Русалка на суку висит,
Но зеэв цел, и боров сыт.

Да, я женился на вдове!
Мысль уясните основную:
Я к командору не ревную,
Наоборот, мы с ним в родстве!
Подумаешь, весна в Фиальте!
Не много слов, не много дел.
Кончайте сплетничать! Отчальте!
Да он и шпагой не владел.

Сия тропа — творенье мизантропа.
Я для себя сию тропу тропил.
Читатель ждёт уж рифмы Азиопа
Или другого вычурного тропа,
Стропил, электропил и Фермопил
И слёз, что душу про́пил я, пропíл;
Ждут выхода потоп и антилопа
И место беспричинное Эзопа, —
А я совсем читателя не жду.
Зачем читатель старому жиду?

Вот говядина пасётся на лугу...
Сам-то я убить корову не могу.
На телёнка с умилением гляжу,
А убоину в духовке нахожу.

То ли рану зажать ножевую
В стороне от весёлой братвы?
То ли яхту купить паровую
Вдалеке от позорной Москвы?
Денег — что облетевшей листвы...
А здоровья — на нитку живую!
Жаль, что помыслы наши мертвы...
...То ли молнию съесть шаровую?

В шотландских горах живёт
Крупный рогатый скот
И мелкий рогатый скот.
Заявим без клеветы:
Все местные там — скоты́
И в этом смысле рогаты,
А пришлые — суррогаты.

◇ ◇ ◇

Я обнимал девицу Тревизан!
Я был дикарь, полуеврей, тарзан,
Ни на секунду я не лез в вельможи,
А с этим именем — блистали дожи!
Она была блистательна, как день,
Меня ж обуревала дребедень.
Она была пленительна, как ночь,
Но очень скоро стало нам невмочь,
И вышло с нею мне не по пути.
Блистательная Тревизан, прости!

◇ ◇ ◇

— О чём задумался, Мельхиседек?
Сердит, должно быть, ты на этот век?
— Ищу себе невесту молодую,
Да все курносы — вот и негодую!

◇ ◇ ◇

Вот звезда, а вот — самолёт.
Кто увидит, слезу прольёт.
Самолёту звезда чужда,
А звезде он — белиберда,
Мошка, вошка, крошка, бурда!
Не унизится никогда...
Дай-ка мне бурды! Я налью,
Причащусь и слезу пролью...

Вот ведь что скажу: я любил двух дур!
Вот ведь был дурак! вспоминать смешно!
В дни младенчества мной играл Амур.
И — проехало всё давным-давно.
А потом, потом... я любил одну,
Донкихотствовал, пил нектар до дна.
В смертный час одну я и помяну,
Хоть она не вовсе была одна.

Включаю свет — и не вспоминаю Ампера,
Случись заря, хлебаю чай без Гомера,
Часам к семи, никак не позже восьми,
Меня, забыв Горация, накорми!
Не врачеватель я, не толкователь,
Не Аристотель я, но — обыватель.
Пищеваритель, чорт меня возьми!

Где гений видит идеал,
Я вижу груду одеял.
Но этот мир не одеялен!
Зане и я не идеален.
Не на пляжу, не в казине —
Сижу я в Ницце на гумне.
Святых не видно тут Зосим —
Засим и я невыносим.

Пришла ночная кобыла
И брешет у изголовья.
Она меня полюбила
Ночной кобыльей любовью.
О прошлом брешет лошадка,
А там всю скверно, всё шатко.
Там ангел роняет крылья,
Там ложь, там любви нехватка...
Прославлю дело кобылье,
Её любви избылье.

Звон в ушах — счастливейшее дело!
Я почти не слышу сволочей.
Пусть себе резвятся обалдело —
Я в ограде божьей! я ничей!

Денег скопилось две дюжины у меня, —
То ли жениться? То ли купить коня?
Ох, опасаясь: если жену куплю,
Сразу смекну, что коня-то больше люблю!

Млечный Путь проглотит Андромеду!
Будет это не в четверг, а в среду.
Начинаем праздновать победу.
Главное — не опоздать к обеду.

Никогда я не лечился —
Виски пил да сволочился.
Жить по-новому учусь:
С увлечением лечусь.
Где вы, зори коммунизма?
Имя докторши — Каризма.
Что за это не отдашь?
Прочь клюку, долой бандаж!
Был я мрачен и циничен,
А теперь — харизматичен.

ИЗ ПОЛЕЖАЕВА

Вот мой опыт сокровенный:
Ихний бог — что вилы в бок,
Ихний суд — что ихний бог.
Ихней правды вдохновенной
Я отведал на зубок.

◇ ◇ ◇

Вот сук, на котором повеситься было бы славно
И вмиг воцариться над мерзостью самодержавно.
Кому как не мне опостылела эта Земля?
Вернусь-ка домой, в галактические кренделя!

◇ ◇ ◇

Судьба досталась мне лихая.
Судьбу я в главном угадал.
Не стал я зятем Мордохая,
И Буцефала не взнуздал,
Не поклонился людоеду,
В Москву не ездил на метле,
Не пел срамную их Победу,
И слёз не проливал в Кремле.

◇ ◇ ◇

Глаза протри и прочетыри —
Нет совести в подлунном мире.
Очки нашарь и прочетырь —
Где был алтарь, найдёшь пустырь.

Под колодой на гумне лежит
Беглый стихотворец-полужид.
По своеобразию и мощи
Был он в точности, как все, — не проще.

Жил-был — о нём сказители молчат —
Пророк Гиеронимус Поворчат.
Ужасно был сварлив Иеранимус!
Хвастлив, спесив, гнусав и норовчат,
Своих внучат держал за арабчат,
Но оживлялся в обществе девчат...
Жена, поставь сковороду на примус!
Пусть шкварки на сковороде шкворчат.

Зачем я здесь? Ума не приложу!
Ножу, подруга, грудь я обнажу.
Вонзи, подруга, в грудь мою ножа
(так, помнится, мы пели про моржа,
Да-да, про эскимоса и моржа!),
И завизжу, и заверчусь, визжа,
И долго жить остатним прикажу,
Чем услужу их своре, удружу,
Зане попала мне под хвост вожжа.

Беспрюириышная игра! Ты — безвыириышная игра!
Сегодни небо в алмазах — классическая мишура,
А завтра небо в медузах, обузах и профсоюзлах,
И всё в руках толстопузых, и то же было вчера.

Свадьба — временный союз!
Ах, зачем под сенью уз
Быстро портится погода,
Тень ложится на плетень?
Назначая свадьбы день,
Назначай и день развода.

Полиглота поди-накорми!
Глотка — с поле размером.
Полиглот — кашалот меж людьми,
Полиглот — Гуливер меж людьми,
Он буржуй-Гаргантюй меж людьми,
Батька левым эсерам.
Добывай, утираючи пот,
Хлеб себе и сиротам,
А мерзавец придёт и сожрёт!
Не родись моноглотом!

Сортир — бездельников комфорт позорный.
Стихия сильных — там, где нет уборной!
Диктат прямой кишки преодолев,
Ты, Чкалов, лев!

Я помню пару, их звали Крочек и Крачка.
Она трудилась, была хорошая прачка.
Совсем иначе жизнь свою прожил Крочек.
Занятем в его анкете значился прочерк.
Он как-то вышел покрасоваться нарядом,
И тут как раз его убило снарядам.
Снаряд, взорвавшись, прямо в него попал.
Наряд, выходит, попусту зря пропал.

Сусанну во всей красе разглядывал из-за куста ты
И глаз не мог оторвать от персей и от лица...
На всякого мудреца довольно одной простаты,
Когда же простаты нет, не видно и мудреца.

Это клевета, что мистер Голем
Злоупотребляет алкоголем.

Врут мерзавцы! Славный мой земляк —
Трезвенник, трезвянец и трезвяк.

Далила Самсону в стакан долила,
Сама же при этом почти не пила.
Далила из сердца его удалила.
Свирепую жажду давно утолила.
В стакан долила и врагам отдала.

Всё кончено! Всё выпито, всё съето!
Прощай, моя вчерашняя Джульетта!
Ты съет, несостоявшийся поэт!
Прощай, Шекспирище, ты тоже съет!
Довольно с нас обедов и обеден!
Который тут ещё не съет, тот съеден.

Старый дог лежит в гондоле
С переломатой ногой.
В голубом эфира поле
Ходит Колкер с кочергой.

ДЛЯ ЗАМЕТОК
(вместо оглавления)